

ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЧАТИ В ПРОВИНЦИИ

Статья «Губернская пресса» была опубликована в сентябрьской книжке «Современника» 1865 г. (за подписью: В. С.). Принадлежность ее Слепцову устанавливается пометой автора на полях рукописи «Речь...» (см. стр. 339) и записью в конторской книге «Современника», опубликованной С. А. Макашиным в 1949 г. в т. 53-54 «Литературного наследства».

Во вступительной статье к циклу «Провинциальная хроника» (см. стр. 180) мы высказали предположение, что «Губернская пресса», возможно, предназначалась для этого цикла 1865 г., печатавшегося в «Искре».

Подтверждением нашей гипотезы служит все содержание статьи и, в частности, постскриптум автора об использованных им материалах губернской печати первых месяцев 1865 г.

Статья полеемически направлена против либеральной журналистики, трубившей о значительном прогрессе общественной жизни в России после реформы, о пробуждении «гласности», оживлении провинции. «Провинция пробуждается, она, можно сказать, даже совершенно пробудилась. В настоящее время это факт неоспоримый. Из официальных сведений видно... да, одним словом, тут и сомнения никакого быть не может».

Слепцов использует материалы провинциальной печати для доказательства полной зависимости официальной и неофициальной «губернской прессы» от властей; она приемлет с восторгом «благие» начинания правительства, выдает обещанное за действительное, весьма поверхностно судит о жизни. «Итак, — язвительно обобщает автор писания провинциальных публицистов, — у нас в провинции в настоящее время не жизнь, можно сказать, а масленица, и провинциальные газеты передают нам подробности этого карнавала с неподражаемой отчетливостью».

Интересно, что, характеризуя пореформенную жизнь провинции (в изображении губернской газеты), Слепцов почти дословно повторяет слова своего героя Рязанова:

«Т р у д н о е   в р е м я»

«Г у б е р н с к а я   п р е с с а»

— Ну, что в газетах? — спрашивает он (Щетинин), не глядя на Рязанова.

— Да ничего особенного; по части внутренних дел все хорошо: усмирение идет успешно, *крестьяне освобождаются, банки учреждаются, земские собрания собираются* (II, 122—123).

Из провинциальной журналистики, верно отражающей современное положение дел в провинции, тоже видно, что пробуждение действительно совершилось и что все идет как следует, т. е. *крестьяне освобождаются, банки учреждаются, земские собрания собираются*.

У читателя-современника свежа была в памяти повесть «Трудное время» (опубликованная в четвертой — восьмой книжках «Современника» 1865 г.). Автор давал понять, что занимает ту же позицию, что и демократ Рязанов, скептический наблюдатель современной жизни, враг либерализма.

На конкретном примере — зависимом положении губернской прессы от местного начальства — доказывает Слепцов лицемерность либеральных преобразований (в том же духе о печати и самоуправлении шла речь в повести «Трудное время»). Передавая диалог двух «независимых органов», стремящихся сохранить тайну своего рождения (свою зависимость от местного начальства или столичной прессы), Слепцов ядовито сближает их с апокрифическим лицом — безродным Мельхиседеком.

Слепцов применяет один из приемов сатиры Щедрина, указывая на единую реакционную сущность по видимости противостоящих друг другу общественных явлений. Он сближает (пренебрегая различной номенклатурой и фразеологией) «зависимые» и «независимые» органы печати, ретроградные и «прогрессивные» газеты. Первых писатель называет «мертворожденными», «детичами губернской правлений», «бранными останками», «гробами», вторых — «живыми органами», «отрадными явлениями», «залогом будущего развития», «зеркалом нашей внутренней жизни» (автор пользуется в этом случае либеральной терминологией).

Но своими конкретными характеристиками Слепцов заставляет читателя принимать к «независимой» прессе те его определения, которые он дал «зависимым» органам печати.

Так, давая перечень «прогрессивных» изданий, он называет крайне реакционный, шовинистический «Вестник Югозападной и Западной России», выходивший в Киеве. Читателям «Современника» были ясны ирония и сарказм автора, вложенные в такие, например, характеристики «Вестника...»: «...полнейшая независимость мнения; вместе с необыкновенной строгостию в преследовании главной цели»; «ни один провинциальный орган не может соперничать» с ним «в той популярности», которую он «успел приобрести <...> даже в столицах». Созданный властями с целью «борьбы с польским влиянием», «Вестник...» был полуофициозен, пропагандировал русификаторскую и колонизаторскую политику царизма на западе России.

Хотя как будто бы только о «зависимых» газетах сказано, что они «печатаются в губернской типографии и пишут их не публицисты, а канцелярские служители», но сам писатель помогает распространить это суждение на газеты «независимые», когда говорит о качествах, свойственных «всем провинциальным газетам вообще».

Слепцов прибегает и к другой форме разоблачения так называемых «независимых» газет. Он сближает их со столичными реакционными изданиями, указывает на подражание известной московской газете («Московским ведомостям») и петербургской («Северной почте»), а провинциальных публицистов называет «местными Паповскими». Читатели «Современника» хорошо понимали этот намек. Пановский — фельетонист «Московских ведомостей» («Что делается в Москве?», «Наши домашние дела» и др.) — сообщал не только об увеселениях, но писал обозрения московской жизни, давал обзоры новых журналов и при этом нещадно бранил петербургскую демократическую печать. Сотрудники «Современника» не раз намекали на «полицейское» прошлое Пановского (он служил в 1830 г. начальником высшей полиции при управлении варшавского военного губернатора). Так, Салтыков-Щедрин издевался над «большой наблюдательностью и изяществом манер» Пановского, намекал на его шпионскую деятельность: будет сообщать публике через Байбороду (Каткова и Леонтьева) о том, «кто где был, что ел и с кем шептался»¹. Слепцов называет провинциальных публицистов «местными Пановскими» еще и потому, что в некоторых губернских газетах брали этого фельетониста под свою защиту: «Пановскому <...> мы поверили почти на слово, несмотря на подтрунивание над ним петербургских фельетонистов», — писал, например, сотрудник нижегородской газеты²; в этой же газете популярность «Московских ведомостей» Каткова объясняли тем, что они являются «полнейшим выражением мнений большинства»³. Слепцов иронически хвалит «прогрессивные органы провинциальной журналистики» за то, что они «стремятся к тому, чтобы не отставать от современного течения дел».

В качестве доказательств этой «похвальной ревности» не отставать от событий, в освещении которых газеты, однако, лишены всякой самостоятельности, Слепцов ссылается на упоминание в провинциальных газетах «Шлезвиг-голлштинского вопроса», «папской энциклики» и «туринских событий». Напомним о них.

В захвате у Дании Шлезвига и Голштинии Пруссией и Австрией царское правительство сыграло роль подстрекателя; оно обещало Пруссии невмешательство (в благодарность за помощь в польских делах). Провинциальные публицисты, вслед за публицистами «Московских ведомостей», стояли на защите русского правительства, в то время как «Колокол» и «Современник» с горечью писали о «неустойчивой и беспощадной насильственной германизации Шлезвига», об «угнетенных шлезвиг-голлштинских братьях», которыми распорядились «как бесчувственными пешками»⁴.

Другой факт, упомянутый Слепцовым, папская энциклика, послание папы Пия IX от 9 декабря 1864 г., в котором глава католической церкви нападал на науку, свободу слова и печати.

Третий — «туринские события». Они, — пишет Слепцов, — вызвали «справедливое негодование» «Оренбургских губернских ведомостей». Писатель имеет в виду «беспорядки» в Турине в сентябре 1864 г. «Толпы пролетариев и рабочих с подозрительной наружностью, — читаем в «Московских ведомостях», — проходили по улицам,

вооруженные толстыми палками и предшествуемые барабанами и знаменами. Они кричали во все горло, и между различными криками чаще всего раздавалось: „Да здравствует Гарибальди!“⁵ «Московские ведомости», недобрительно отнесшись к подобным «восклицаниям», высказывали, однако, лицемерное сожаление о пролитой крови во время столкновения туринцев с полицией. Подобные эмоции имеет в виду Слепцов, когда говорит о недовольстве провинциальной газеты.

Обличая мнимую «независимость» губернской прессы, служащую будто бы «проводником возрожденной гласности», Слепцов дает ясно понять, что не русское общество, не народ, а начальники губерний фактически получили право на эту «гласность» и воспользовались ею для публикации в «независимой» прессе своих распоряжений, указов, для «оглашения своих предначертаний». В этом отношении, — говорит писатель, — «первое место, бесспорно, принадлежит „Олонецким губернским ведомостям“». Почему так часто вспоминает Слепцов именно эту газету? Потому, что в ней наглядней всего раскрывался лицемерный характер правительственной политики, правительственного законодательства. Писатель показал на этом примере, что провинция, губернская пресса далеки от какой бы то ни было самостоятельности. «Знаменательной эпохой» названы в «Олонецких губернских ведомостях» годы, которые Слепцов определил как «трудное время»: «1864 г., — пишет олонецкий публицист, — без сомнения, займет одну из самых блестящих страниц в летописях внутренней жизни России. Лишь только положен был конец притязаниям иностранных держав на вмешательство по случаю беспорядков, происходивших в Царстве Польском, правительство, и в то время не прекращавшее предпринятых важных законодательных работ, стало трудиться с удвоенною энергиею (...). Путь к достижению всех желаний открывают законоположения, изданием которых ознаменован закончившийся год...»⁶

Генерал-губернатор Олонецкой губернии Ю. К. Арсеньев в изображении Слепцова — сатирическая фигура. Писатель использует конкретные факты, чтобы показать, как Арсеньев выполняет в провинции роль «недремлющего ока» правительства и выступает благодетелем народа. В «Олонецких губернских ведомостях» Арсеньев не только предал гласности свои распоряжения, но «оглашает» и свои филантропические поступки. Слепцов язвительно комментирует выступления в местной печати губернатора, характеризующие и его верноподданнические чувства, бдительность (ночные внезапные обходы полицейских постов) и его «великодушие, мягкосердечие» («закупил на свои деньги 18 тулупов», которые препроводил солдатам «с внушением продолжать деятельно оберегать установленные тишину и порядок») ⁷.

Когда Слепцов иронически писал, что губернаторы не только не чуждаются гласности, но «употребляют ее как надежное орудие для преследования злоупотреблений», и приводил в пример олонецкого губернатора, он знал, конечно, и о других фактах, которые публиковала местная газета: о чтении Арсеньевым в подведомственных ему городах (Вологде, Петрозаводске и др.) правил об учреждении обывательских ночных караулов в помощь полиции ⁸, о разрешении Александром II (в ответ на ходатайство петрозаводского городского общества) присвоить статскому советнику Арсеньеву звание почетного гражданина Петрозаводска ⁹, о торжественном чествовании Арсеньева по этому поводу в зале Благородного собрания и о прочувствованной его речи, из которой явствовало, что это событие «останется одним из отраднейших воспоминаний» его служебной деятельности, что он будет продолжать «с полным усердием и неизменной настойчивостью заботиться о точном соблюдении законов и повелений государя-императора ко благу Олонецкого края» ¹⁰. На все эти факты, свидетельствующие о характерном явлении времени — игре в либерализм, — и указывает автор, настойчиво отсылая читателя к «Олонецким губернским ведомостям». Дважды (и довольно пространно для небольшой статьи) рассказывает он о действиях олонецкого губернатора, три раза упоминает о «18 тулупах», купленных на свои деньги олонецким начальником.

Слепцов приводит по содержанию как будто бы не связанные между собой несколько примеров: распоряжение олонецкого губернатора о полиции, епархиального начальства Котельнича о местном духовенстве («Вятские губернские ведомости»), «отношение» попечителя Московского учебного округа по поводу классических и реальных

гимназий («Костромские губернские ведомости»). Все эти примеры основаны на реальных фактах¹¹; в общей сложности они создают впечатление о ряде сторон современной жизни (не только провинциальной): преследование лиц, скрывающихся от полиции, бдительность акцизных чиновников, практика «угощения» духовенством прихожан пивом и вином в праздничные дни в благодарность за «доходы произведениями природы», которые оно получает от своей паствы в дни будничные; растерянность чиновников перед либеральными «новшествами»; что, например, предпочтение: классическую или реальную гимназию (учебное ведомство было занято в это время вопросом, как преобразовать, «согласно новому уставу», гимназию; «Московские ведомости») и др.

В совокупности все примеры, приведенные в «Губернской прессе», помогали писателю «обнаготить» «стыдливую губернскую нимфу», что, по его словам, «в художественном отношении имеет свою прелесть»: они били в одну цель, указывали на половинчатость, декларативный («гадательный») характер либеральных реформ. В России, утверждал Слепцов, нет народного самоуправления, отсутствует гласность, губернская пресса — отголосок канцелярии губернатора или полицейского управления.

Как и в «Досадном положении», он показывал толчение воды в ступе вместо прогресса общественной жизни и бессмысленные занятия вместо настоящего дела (губернские публицисты почти переписывали столичные газеты, губернские начальники публиковали свои распоряжения, а затем оглашали их отмену).

Интересен выбор Слепцовым мест издания газет; ему важно было, чтобы перед читателем мелькали названия: Олонецкие, Енисейские, Вятские, Оренбургские и др. Это губернии ссылки. На репрессии же он намекает, говоря о «дурных последствиях, происходящих от неумеренного красноречия», и цитируя (без указания на источник и неточно) строки стихотворения Лермонтова «Памяти Одоевского»:

Далеких гор зубчатые хребты...
Немая степь синее...

Этот лермонтовский пейзаж был воспроизведен незадолго до Слепцова Огаревым в стихотворении, посвященном его воспоминаниям о встрече с декабристами на Кавказе в 1838 г. («И если б мне пришлось прожить еще года...»). Цитата в статье Слепцова должна была вызвать у читателей той поры ассоциации не только с поэтом-декабристом Одоевским и поэтом-изгнаником Лермонтовым, но и с Огаревым, Герценом, с судьбой Чернышевского, Михайлова (сообщение об его смерти в Сибири 3 августа 1865 г. было только что получено) и других борцов за свободу.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Московские письма». — Щ е д р и н, т. V, стр. 40.

² «Нижегородский ярмарочный справочный листок», 1865, № 17, от 5 августа.

³ Там же, № 1, от 15 июля.

⁴ Э. К. В а т с о н. Политика. — «Современник», 1865, № 6, стр. 245 и № 7, стр. 165. — Герцен писал по поводу этих событий: «...трехглавый немецкий орел <...> заклевал Данию, в дружбе с своим византийским товарищем». «Польский вопрос и датская война — две огромнейшие ступени вниз по той стремнине, по которой сходит старый мир» («Что же дальше?» — А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах. М., Изд-во АН СССР, т. XVIII, 1959, стр. 305—307).

⁵ «Московские ведомости», 1864, № 205, от 19 сентября («Беспорядки в Турине»).

⁶ «Олонецкие губернские ведомости», 1865, № 1, от 9 января («Реформы в России в 1864 году»).

⁷ Там же, № 4, от 30 января («Распоряжения губернского начальства»).

⁸ Там же, № 1, от 9 января («Из Вологды»).

⁹ Там же, № 5, от 6 февраля («Высочайшая награда»).

¹⁰ Там же («Олонецкая летопись»).

¹¹ Слепцов не дает ссылок, но он точно воспроизводит материалы следующих газет: «Олонецкие губернские ведомости», 1865, № 2, от 16 января («Распоряжения начальника губернии»); «Вятские губернские ведомости», 1865, № 2, от 9 января («Беглые заметки»); № 34, от 22 августа («Праздник всех святых в г. Котельнич»); «Костромские губернские ведомости», 1865, № 4, от 23 января (отношение попечителя Московского учебного округа на имя начальника губернии).

ГУБЕРНСКАЯ ПРЕССА

Провинция пробуждается, она, можно сказать, даже совершенно пробудилась. В настоящее время это факт неоспоримый. Из официальных сведений видно... да одним словом, тут и сомнения никакого быть не может.

Из провинциальной журналистики, верно отражающей современное доложение дел в провинции, тоже видно, что пробуждение действительно совершилось и что все идет как следует, т. е. крестьяне освобождаются, банки учреждаются, земские собрания собираются. Чего же еще? Можно ли после этого сомневаться? Да и странно было бы, если бы вдруг в самом деле крестьяне перестали освобождаться, а земские собрания собираться. Спрашивается, что же бы это такое было? Что бы стали делать губернские по крестьянским делам присутствия? Как бы должны были поступить в этом случае начальники губерний и губернские предводители дворянства? А, главное, спрашивается, чем бы стали наполняться губернские ведомости? Этого нельзя. И кроме того... да нет; никак нельзя! На что это похоже?

Итак, у нас в провинции в настоящее время не жизнь, можно сказать, а масленица, и провинциальные газеты передают нам подробности этого карнавала с неподражаемой отчетливостью. Но при более внимательном изучении губернской литературы, кроме этой отчетливости, оказывается в ней еще другое не оцененное качество, совершенно ускользающее от поверхностного взгляда. Качество это свойственно всем провинциальным газетам вообще и состоит в том, что они всегда очень верно воспроизводят ту среду, которая питает и греет их; можно сказать даже, что они и *не могут* дурно воспроизводить ее, если бы даже хотели. А надо заметить, что губернские газеты именно тем и отличаются, что выказывают постоянное желание изображать вещи совершенно не в том виде, в каком они есть. Но, к счастью, им это никак не удается, потому что нитки, которыми сшиваются произведения губернских публицистов, до такой степени всем знакомы, что даже человек, никогда не служивший в провинции, сразу может заметить, что это нитки из губернского правления. Потому-то этих произведений никто не читает. И напрасно. Таких пустяков бояться нечего; особенно если нитки можно подпороть и обнаготить какую-нибудь стыдливую губернскую нимфу. Это даже в художественном отношении имеет свою прелесть.

Впрочем, в числе провинциальных газет есть тоже *независимые*. Есть. Да и странно, в самом деле, почему же бы и не быть независимой газетой в провинции? Чем же столицы счастливее? Даже по-настоящему в провинциях, именно в провинциях-то и следовало бы издавать самые независимые журналы и газеты, потому что здесь меньше, нежели где-нибудь, можно опасаться дурных последствий, происходящих от неумеренного красноречия: здесь человек находится в такой зависимости от местных условий, что поневоле не будет выходить за пределы местных интересов; не говоря уже о том, что самый независимый орган в мире должен будет наконец умолкнуть, когда убедится, что ему внимают

«Далеких гор зубчатые хребты»

и кругом одна «немая степь синее».

Попробуйте послать какие угодно «Московские ведомости» куда-нибудь подальше, например, в Нижнеудинск, и послушайте тогда, как они запоют. Впрочем, ведь это только так, одно предположение, что же касается существующих у нас провинциальных газет, под названием *независимых*, то надо еще прибавить, что положение их едва ли не хуже положения зависимых. О тех уж так и известно, что они печатаются в

губернской типографии и пишут их не публицисты, а канцелярские служители, спивают сторожа и печать наклеивают они же. Так уже все и знают, да и сами органы от губернского правления не отрекаются; а эти несчастные независимые даже у себя на родине слышат какими-то непомнящими родства бродягами. Всё-то они оглядываются, всё чего-то боятся, только и дела, что отрекаются от своих родителей. А главное скверно то, что этому самопроизвольному зарождению их никто не верит.

— Откуда ты, эфира житель?— пристаёт к независимому органу другой, такой же независимый.

— Ниоткуда,— уклончиво отвечает первый.

— Но сам собой ты быть не мог,— настаивает второй.

— Нет, мог,— утверждает первый.

— Что за чёрт! Да что ты за Мельхиседек такой?

— Мельхиседек. Вот тебе и всё. А ты сам-то чей?

— Я-то? Я — совсем разнища. Я — ничей.

На этом обыкновенно и прекращается губернская полемика; так как, собственно говоря, тут и спорить-то было не о чем, потому что ни тот, ни другой независимый орган ни на одну минуту не сомневался в том, что и не может быть такого органа в мире, который бы никем не издавался, следовательно, что же тут? А главное каждому из них необходимо нужно доказать, что *он* независимый, а другой вот, так тот зависимый. Что же прикажете делать? Не все же водку пить и в карты играть, не мешает тоже и умственным позаняться для разнообразия.

Кроме внешнего различия, в органах провинциальной прессы замечается также различие и по внутренним качествам. На этом основании все губернские газеты должны быть отнесены или к той, или к другой категории. Первую можно назвать *прогрессивной*, вторую — *ретроградной*. Газеты, принадлежащие к первой категории, имеют все признаки возрождения и носят в себе несомненный залог будущего развития; образом таких газет могут служить: «Киевлянин», «Одесский вестник», Харьковские, Олонецкие, Орловские, Вятские, Ставропольские и Бессарабские губернские «ведомости», а также газеты «Волга» и «Кавказ». Некоторые, благодаря местным условиям, успели уже совершенно развиться и даже принести плоды; таковы, например: Киевский, Югозападный, Виленский и другие «Вестники». Особенного внимания заслуживает в этом отношении «Вестник Югозападной и Западной России» как орган, соединяющий в себе все качества, необходимые для успеха, а именно: полнейшую независимость мнения вместе с необыкновенной строгостию в преследовании главной цели; к этому следует прибавить еще, что ни один провинциальный орган не может соперничать с «Вестником Югозападной и Западной России» в той популярности, которую успел приобрести последний даже в столицах.

Газеты, относящиеся к этой категории, с первого же взгляда останавливают на себе внимание читателя как разнообразием содержания, так равно и теми усилиями, которые замечаются со стороны издателей, усилиями — выйти по возможности из тесного круга местных интересов и стать на одну линию с петербургскими или московскими газетами. Впрочем, больше видно старания походить на известную московскую газету. Некоторые органы завели у себя отдел так называемых *передовых статей*, в котором с большим или меньшим успехом стараются подражать решительному и энергическому тону московских публицистов; далее следуют правительственные распоряжения, телеграммы, иностранная почта, а в конце местные Пановские изображают благородные спектакли, обеды, данные офицерами какого-нибудь полка своему полковому командиру, и проч. В некоторых подражательность доходит до того, что заглушает в них самое чувство независимости; так, например, в отделе телеграмм иногда

ЗЕМСКОЕ СОБРАНИЕ

Литография с рисунка К. А. Трутовского, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

«...видно, что пробуждение действительно совершилось и что все идет как следует, т. е. крестьяне освобождаются, банки учреждаются, земские собрания собираются. Чего же еще?» (Из статьи Слепцова «Губернская пресса»)

бывает напечатано крупными буквами: «сегодня, по причине распутицы, мы не получали „Северной почты“»; а другие до того довели похвальное желание ни в чем не отставать от столичных органов и усовершенствовались до такой степени, что по примеру «Московских ведомостей» успели уже ослепить у себя шрифт и сделали его достаточно неразборчивым.

Газеты, принадлежащие ко второй категории — ретроградных, — представляют зрелище совершенно другого рода. Остановив внимание читателей на провинциальных органах возрождения, тяжело отвлекать его от этого отрадного явления нашей народной жизни и рисовать картину запустения. Впрочем, много и говорить нечего об отсталых газетах, об этих мертворожденных детищах разных губернских правлений; тем более, что они, уступая новому духу времени, с каждым днем заменяются новыми, живыми органами и в настоящую минуту представляют безмолвный ряд гробов, перед которым умолкает всякая полемика, потому что они на все вопросы могут издавать только запах тления, и никакие трубные гласы не пробудят их от векового сна.

Упомянув о мертвых органах нашей провинциальной журналистики и воздав должное их бранным останкам, возвратимся снова к живым и ознакомимся с ними короче для того, чтобы узнать, как, однако, они пользуются жизнью и в какой мере исполняют свое назначение.

Насколько можно судить по одному беглому обзору, все более или менее прогрессивные органы провинциальной журналистики назначение свое исполняют тщательно, с особенным старанием и всеми зависящими от них средствами стремятся к тому, чтобы не отставать от современного течения дел. Доказательством этой похвальной ревности служит то, что губернские газеты, действительно, не отстают от событий. Поднимется ли в столичной журналистике вопрос о народном самоуправлении,—

сейчас и провинциальные газеты спешат сказать свое слово о самоуправлении; станет ли на очередь юридическая реформа, — и провинциальные газеты начинают рассуждать о том, куда же денутся чиновники, которые, за негодность, должны будут остаться за штатом; даже и в том случае, когда «Московские ведомости», от нечего делать, устраивают примерное сражение с «Голосом» и начинают доказывать, что они от казенных объявлений несут огромные убытки, а классическое образование несравненно лучше реального, — даже и тогда провинциальные газеты не остаются безмолвными свидетельницами спора и спешат прибавить, что и они также согласны или не согласны, смотря по тому, как. Да чего же лучше? — Шлезвиг-голландский вопрос и тот нашел отголосок в губернской прессе, даже о папской энциклике упоминалось чуть ли не в «Бессарабских областных ведомостях»; а в «Оренбургских» — туринские события возбуждали даже справедливое негодование.

Но еще большая чуткость замечается в губернской прессе к явлениям внутренней жизни России. Русский прогресс, отличавшийся, как известно, особенным ожесточением в первые годы, стал несколько ослабевать к концу <18>63 года; следующий за тем год представляет новый фазис развития общественности; русский прогресс с новой силой, но уже в измененном виде, снова водворяется в нашем отечестве. А так как это водворение совершается главным образом внутри России и фундаментом для него послужила народность, то очень естественно, что и губернская пресса, служащая, так сказать, зеркалом нашей внутренней жизни, не могла не отразить в себе и этого нового явления. Провинциальная журналистика, успевшая несколько осовать и позаржаветь перед освобождением, в настоящее время с новой силой спешит заявить о своей готовности служить проводником возрожденной гласности и с напряженным вниманием прислушивается к учащенному биению нашей общественной жизни. Такая готовность не могла, в свою очередь, не обратить на себя внимания некоторых высокопоставленных лиц, внезапно возымевших надобность прибегать к печатному слову для оглашения своих предначертаний. В числе удостоенных такой чести первое место, бесспорно, принадлежит «Олонецким губернским ведомостям». На листах этой газеты г-н начальник губернии, 25-го января сего года, нашел нужным обнародовать следующее.

«В прошлую ночь, с 24 на 25 января, к сожалению, я получил новое доказательство, что в городе Петрозаводске необходимо постоянно строгое личное мое наблюдение за точным исполнением каждого распоряжения. Две недели сильный катар препятствовал мне выходить из дому и совершать обычные ночные объезды города. Вчера в час с половиною ночи я отправился, в первый раз после болезни, смотреть, все ли в городе в порядке. И что же нашел? Ночные сторожа или спали, или не находились на своих местах. Из четырех обходов встретил только один. Пьяных на улицах шаталось много.

Грустно было мне убедиться, что петрозаводская полиция действует бдительно и усердно только тогда, когда над нею висит опасность моего внезапного появления в той или в другой части города и страх немедленного взыскания за неисполнение своих обязанностей. Не развилось еще в чинах петрозаводской полиции, несмотря на все мои о том старания, сознание долга службы и высокого призвания полиции к охранению спокойствия и тишины в городе».

Но грустное впечатление, которое производит на читателя факт, вынудивший г-на начальника губернии прибегнуть к гласности, в значительной степени изглаживается сознанием того, что наконец наступило время, когда даже лица, так высоко поставленные, как, например, губернаторы, не только не чуждаются гласности, но, напротив того, употреб-

ляют ее как надежное орудие для преследования злоупотреблений. Из той же газеты мы узнаем, что г-н олонецкий губернатор купил на свои деньги, 28 января, тулупы для всех солдат петрозаводской команды (всего 18 тулупов).

В числе достойных внимания местных властей следует упомянуть также о «Вятских губернских ведомостях», в которых (в 34 №) была напечатана статья г-на Глушкова «Праздник всех святых». В этой статье автор заявил, между прочим, о существующем у духовенства города Котельнича обычае варить пиво для угощения прихожан. Такое ничтожное обстоятельство, как заявление г-на Глушкова, в прежнее время прошло бы бесследно: кому какое дело до того, что пишет г-н Глушков в «Вятских губернских ведомостях»? Угощает ли духовенство города Котельнича прихожан своих пивом или само угощается на их счет, и в этом тоже интересного мало. По-видимому, так! Но не следует забывать, что мы живем в такое время, когда никакое обстоятельство, как бы оно, по-видимому, ничтожно ни было, бесследно проходить не может; когда губернаторы покупают на свои деньги полшубки для команды, а чиновники акцизного управления вместо того, чтобы заниматься чтением «Биржевых ведомостей» или прекратившегося «Народного богатства», увлекаются этнографическими статьями неофициального отдела местных губернских ведомостей и увлекаются ими до такой степени, что даже на основании их производят дознание. Оказывается, что духовенство города Котельнича действительно предается варению пива под праздник всех святых и угощает им своих прихожан; но так как варение пива без взятия патента и платежа акциза в городах не дозволяется, то г-н управляющий питейно-акцизными сборами обращается к епархиальному начальству с просьбой сделать распоряжение о внушении духовенству города Котельнича, чтобы на будущее время оно воздержалось от варения пива, а равно предварить об этом духовенство других городов, в которых, *может быть*, тоже существует трогательный обычай угощать прихожан пивом собственного приготовления, как предполагает и г-н Глушков. Епархиальное начальство сделало зависящее распоряжение опять-таки не просто, а через местные «Епархиальные ведомости», внушив духовенству города Котельнича, чтобы оно воздержалось на будущее время от варения пива и т. д.

Сейчас приведенный случай, не заключая в себе ничего особенного, заслуживает некоторого внимания потому, что является новым подтверждением того отрадного факта, о котором говорилось выше. Журналистика приобретает с каждым днем все более и более значения и становится надежным проводником между местными властями и населением. Распоряжения, производившиеся до настоящего времени путем канцелярской переписки и облеченные глубокою тайною, в наши дни получают такой гласный характер, что даже епархиальное начальство не в силах противиться этому общему движению. В доказательство того, что наша провинциальная пресса, действительно, все более и более удостоивается внимания местных властей, можно было бы привести множество примеров. Из распоряжений, сделанных путем гласности, заметно даже, что некоторые высокопоставленные лица взяли местную журналистику под свое покровительство и оказывают ей начальническое поощрение; приучают, так сказать, как ее (журналистику), так равно и подчиненных своих к тому, чтобы они не боялись света и гласности; для этого, *в виде опыта*, оглашаются такие распоряжения, которые на первый раз не очень бы запугивали подчиненных и в то же время удостоверяли бы публику в том, что над ними бдит недремлющее око начальника и притом такое око, которое не только не боится обличений и оглашений, но даже само обличает и само оглашает. Например: всем известно, что полицейский надзор за проживающими без письменных видов в городах у нас вообще очень слаб, до такой степени

слаб, что даже в Петербурге беспрестанно открываются разные притоны и притонодержатели. Для этого, как известно, снаряжаются даже особого рода ночные экспедиции и производятся внезапные нападения на известные дома. Только с помощью таких энергических мер, да и то при содействии самых бескорыстных чиновников полиции, удается захватить несколько человек беспаспортных. Самая необходимость прибегать к таким мерам, время от времени, доказывает уже, что обыкновенные установленные на этот предмет правила недействительны. Если является надобность прибегать к крутым мерам, то это показывает, что есть в городе такие вещи, которые нужно открывать; а открывать можно только то, что может скрываться. Кто же открывает всем известные вещи? Например, в настоящее время нет никакой возможности открыть Америку, потому что она уже открыта. Ее можно было открыть только до тех пор, пока она еще не была открыта, т. е. когда о ней никто ничего не знал. Точно то же и с беспаспортными. Если до сих пор еще производятся открытия по части разных притонов, то это показывает, что до сих пор существуют притоны и лица, скрывающиеся в них, о которых полиция ничего не знает, а если полиция о них ничего не знает, то это показывает, что она не достаточно бдительна в обыкновенное время. И если это случается в Петербурге, где полиция вообще несравненно бдительнее, где она, будучи организована на европейский лад и получая притом большое содержание, имея, кроме того, в деле преследований и пресечений всякого рода обширную практику, стало быть, обладая всеми средствами для производства внезапнейших обысков и стремительнейших арестов, все-таки не может обыскать всех притонов и арестовать всех беспаспортных и подозрительных лиц, проживающих в столице, то можно себе представить, в каком положении находится полиция в других городах империи, без средств, без всякой поддержки, неорганизованная, заваленная работой и в то же время обязанная подражать во всем петербургской полиции. Неудовлетворительность городской полиции в наших провинциях ни для кого не новость, и всякий понимает, почему это так. Всем известно, что хорошая полиция лучше дурной полиции, что если хотят иметь хорошую полицию, то для этого нужно много денег; а что если мы не можем похвалиться нашей полицией, то это значит, что у нас мало денег. Кто же этого не знает? Кто не знает и того еще, что даже с большими деньгами очень трудно организовать хорошую полицию, что тут одними внушениями да подтверждениями ровно ничего не сделаешь? Так думают все рассудительные люди, того же мнения вероятно и г-н олонецкий губернатор, который купил 18 полушубков на свой счет для петрозаводской команды; но, несмотря на это, из официальной части «Олонецких губернских ведомостей» мы узнаем, что олонецкий губернатор, *придя к убеждению*, что полиция, не считая лиц, приезжающих по торговым делам*, не имеет сведений о половине людей, проживающих в Петрозаводске и обязанных иметь письменные виды, сделал распоряжение, «чтобы городской пристав и его помощники, разделив город на четыре участка, приступили одновременно, с 18 текущего января, к осмотру мастерских, постоянных дворов и тому подобных (?) заведений, а также собрали точные сведения о *всех* проживающих в обывательских домах людях из других губерний и уездов и окончили это поручение *непрерывно* в *двухнедельный срок*».

Всякий понимает, конечно, что ни сам губернатор, сделавший такое поручение, ни петрозаводская городская полиция, получившая его, ни на одну минуту не усомнились в том, что добросовестное исполнение его не в силах не только какой-нибудь петрозаводской, но даже и петербург-

* Конструкция неправильна — выходит так, как будто приезжающие по торговым делам принадлежат к полиции.— *Прим. Слепцова.*

ской полиции. Сделать в две недели (и притом *непрерывно*) то, чего не могли сделать в десятки лет, это, как хотите, немножко скоро. Ну, по крайней мере, три недели: все еще как-нибудь можно бы управиться. К тому же надо заметить, что в распоряжение, вероятно, по причине спешности дела, вкрался маленький недосмотр: поручается полиции *гласно* произвести изыскания, которые по существу своему должны быть *тайные*; иначе они не достигают цели. Вот что значит поторопиться! И с гласностью нужна осторожность. Но дело-то все-таки в том, что оглашение таких распоряжений само по себе тем не менее отрадно, потому что приучает как подчиненных, так и читателей не бояться гласности; а так как и в этом отношении следует соблюдать постепенность, то на первый раз, в виде опыта, можно оглашать распоряжения неудобноисполнимые, потом понемногу можно будет начать печатать такие, которые и могли бы исполняться, но почему-либо не исполняются, и, наконец, перейти уже к текущим делам и совершенно удобноисполнимым поручениям. Так оно, вероятно, и будет.

К числу подобных же, *примерных* заявлений относится, вероятно, и напечатанное в «Костромских губернских ведомостях» отношение попечителя Московского учебного округа на имя начальника Костромской губернии, из которого видно, что «в настоящее время учебное ведомство занято рассмотрением вопроса: *какие* из гимназий Московского учебного округа полезно преобразовать, согласно новому уставу, в гимназии классические и *какие* в реальные». Желая знать потребности большинства жителей разных сословий, дети которых получают образование в гимназии, — г-н попечитель обратился к г-ну начальнику губернии, которому *более нежели кому-либо* известны означенные потребности, с просьбою сообщить, какого рода гимназия — классическая или реальная — могла бы быть устроена *по местным потребностям* губернии. С своей стороны начальник губернии обратился с тем же вопросом к предводителям дворянства.

Понятное дело, что поручение, возложенное на г-на начальника Костромской губернии, а им переложенное на предводителей дворянства, принадлежит тоже к числу неудобноисполнимых и опять по той же причине — по совершенной невозможности исполнить его мало-мальски добросовестно; а это доказывается уже тем, что г-н начальник губернии, несмотря на то, что ему «более нежели кому-либо известны означенные потребности», следовательно, более нежели кому-либо дозволяется быть компетентным в решении ученых вопросов — уклонился от прямого ответа и ограничился тем, что отнесся с своей стороны с тем же вопросом к предводителям дворянства, прописав целиком отношение попечителя Московского учебного округа. А сделал это губернатор потому, вероятно, что понял, что для решения педагогических вопросов недостаточно еще знания местных потребностей, но, не желая огорчить своим ответом г-на московского попечителя, счел за лучшее отклонить от себя это лестное поручение и, поискав вокруг себя, на кого бы приличнее всего свалить это поручение, вспомнил о передовом сословии, которое по самому положению своему обязано знать все науки (*noblesse oblige*). Предводители дворянства тоже в свою очередь могут пожелать уклониться от сделанной им чести и свалить решение вопроса о гимназиях на дворян.

Да и странно было бы в самом деле. Ну, что же делать-то больше? Представьте, что один говорит: я хочу реальную гимназию, а другой говорит — классическую. Почему реальную, почему классическую, никто ведь этого сказать не может; да и какая между ними разница, тоже это неизвестно, так что же толку рассуждать о том, чего не знаешь! Да если бы и знали, так тоже пользы от этого было бы немного. Стали бы баллотировать мнения. Ну, губернатор и представил бы кому следует, что вот, дескать, костромское дворянство на выборах (да еще нужно спросить,

прежде всего, могут ли быть такие выборы? И кто их разрешать бы стал? все тот же губернатор) большинством стольких-то голосов против стольких-то положило: «просить о разрешении в городе Костроме классической гимназии». А там и без того классическая. Так из чего же были бы все эти хлопоты, споры, баллотировка и переписка! Хорошо еще, если этого вовсе не будет и все обойдется припечатанием в газетах отношения г-на попечителя учебного округа.

Говоря о новом периоде развития, в который вступила наша провинциальная журналистика, нельзя было не коснуться кое-каких распоряжений некоторых из наших общественных деятелей. Распоряжения эти в настоящем случае имеют для нас интерес исключительный. Разбирать их действительное значение и вникать в их государственный смысл мы не можем.

Мы можем рассуждать о действиях наших администраторов настолько, насколько они служат к оживлению нашей губернской прессы.

И в этом отношении они служат поводом к соображениям разного рода. Из вышесказанных примеров нетрудно заметить, что процветанию нашей провинциальной журналистики положено довольно прочное основание, состоящее в оглашении разных распоряжений и предначертаний, совершаемых в достаточно либеральном духе, и если эти предначертания бывают не всегда удачны, то от этого губернская пресса только выигрывает, потому что ошибки администраторов, по всей вероятности, повлекут за собою разного рода пояснения, дополнения и изменения, которые в свою очередь не замедлят появиться на листах тех же ведомостей, и таким образом читатели будут иметь возможность следить исторически за ходом развития тех мер, которые предпринимаются для их пользы. Вместо примера можно указать на распоряжение г-на генерал-губернатора Западной Сибири, напечатанное в «Енисейских губернских ведомостях», — распоряжение, воспрещающее торги на городских базарах по праздничным дням. Подобные же благочестивые распоряжения сделаны были и в других местах России, но повели к затруднениям, потому что крестьянам ездить на базар пришлось в рабочие дни; на этом основании распоряжения отменялись. По всей вероятности, таковые же затруднения не замедлят явиться и в Западной Сибири, а вследствие этого необходимо будет пояснить в одном из ближайших №№ «Губернских ведомостей», что «так как распоряжение, воспрещающее торги на базарах в праздничные дни, повело к затруднениям, то и разрешается снова торговать на базарах по праздничным дням».

Такого рода пояснения, напечатанные на листах той же газеты, не могут не иметь благотворного влияния на оживление нашей губернской прессы.

Р. S. Если кто-нибудь из читателей заметит, что приведенные в этой статье факты относятся большею частью к первой половине текущего года и, следовательно, уже несколько устарели, то на этот счет он может оставаться спокойным: факты действительно взяты не новые, но всякий, кому припадет охота порыться в губернской прессе, может лично убедиться в том, что чего-нибудь особенно нового в пределах провинциальной журналистики и совсем никогда не бывает. Внешняя сторона явлений этой среды, на первый взгляд, как будто и в самом деле кажется разнообразной, как будто и в самом деле что-то новое; но это только так кажется: одно и то же явление постоянно повторяется из номера в номер, из года в год; видоизменяются наружные признаки его, а смысл остается неизменным.